

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ВЫБОР

КОГДА ДРУЗЬЯ СТАНУТ ЕЕ ВРАГАМИ,
А ВРАГИ – ДРУЗЬЯМИ,
НА ЧЬЮ СТОРОНУ ОНА ВСТАНЕТ?

★★★★★
Продолжение
повести «Змея»
и романа
«Контроль»

Остросюжетный исторический роман Виктора Суворова «Выбор» завершает трилогию о подготовке Сталиным новой мировой войны в 1936–1940 годах и о борьбе за власть внутри руководства СССР, в которую входят повесть «Змееед» и роман «Контроль». Читатель станет свидетелем кульминационных событий в жизни главных героев трилогии — Анастасии Стрелецкой (Жар-птицы) и Александра Холованова (Дракона). Судьба проводит их через суровые испытания и ставит перед нелегким выбором, от которого зависит не только их жизнь, но и будущее страны и мира.

Виктор Суворов тщательно воссоздает события и атмосферу 1939 года, когда Сталин, захватив власть в стране и полностью подчинив себе партийный и хозяйственный аппарат, армию и спецслужбы, рвется к мировому господству и приступает к подготовке мировой революции и новой мировой войны, чтобы под прикрытием коммунистической идеологии завоевать Европу.

Прототипами главных героев романа стали реальные исторические лица, работавшие рука об руку со Сталиным, поддерживавшие его в борьбе за власть, организовывавшие и проводившие тайные операции в Европе накануне Второй мировой войны.

ISBN 978-5-98124-787-3

9 785981 247873

16+

www.dkniga.ru
ДОБРАЯ КНИГА

книги для высокоэффективной жизни™

ВИКТОР
СУВОРОВ
ВЫБОР

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Рассказы освободителя

Советская военная разведка

Спецназ

Ледокол

День М

Тень Победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

Трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

Трилогия «Хроника Великого десятилетия»

Против всех

Облом

Кузькина мать

Повести и романы

Аквариум

Змеед

Контроль

Выбор

Киносценарии

Контроль

Кузькина мать

Ледокол

Подробная информация
о книгах Виктора Суворова
на веб-сайте издательства
«Добрая книга» www.dkniga.ru

ВИКТОР СУВОРОВ ВЫБОР

Остросюжетный исторический роман
об операциях советской разведки в Европе
накануне Второй мировой войны

Продолжение повести «Змеед»
и романа «Контроль»

НОВОЕ ИЗДАНИЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 821.161.1, ББК 84(2Рос=Рус)6, С89

Выбор / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2021. — 400 с.

ISBN 978–5–98124–787–3.

Отпечатано в России.

Остросюжетный исторический роман Виктора Суворова «Выбор» завершает трилогию о борьбе за власть, интригах и заговорах внутри руководства СССР и о подготовке Сталиным новой мировой войны в 1936–1940 годах, началом которой стали повесть «Змеед» и роман «Контроль». Мы становимся свидетелями кульминационных событий в жизни главных героев трилогии — Анастасии Стрелецкой (Жар-птицы) и Александра Холованова (Дракона). Судьба проводит каждого из них через суровые испытания и ставит перед нелегким выбором, от которого зависит не только их жизнь, но и будущее страны и мира.

Автор тщательно воссоздает события и атмосферу 1939-го года, когда Сталин, захватив власть в стране и полностью подчинив себе партийный и хозяйственный аппарат, армию и спецслужбы, рвется к мировому господству и приступает к подготовке Мировой революции и новой мировой войны, чтобы под прикрытием коммунистической идеологии завоевать Европу. Прототипами главных героев романа стали реальные исторические лица, работавшие рука об руку со Сталиным, поддерживавшие его в борьбе за власть, организовывавшие и проводившие тайные операции в Европе накануне Второй мировой войны.

Издательство «Добрая книга»

Электронный адрес для переписки: mail@dkniga.ru

Наша страница в сети Интернет: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения издательства.

© Виктор Суворов, 1996–2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011–2021 —
издание на русском языке, оформление.

ПРОЛОГ

— **М**инуту на размышление не даю. Требую мгновенный ответ без размышлений: вопрос — тут же ответ.

— Хорошо.

— Даже не мгновенный — требую, чтобы вы отвечали на мой вопрос, не дослушав его до конца.

— Ясно.

— Вопрос будет не совсем обычным, но я должен услышать ответ еще до того, как успею вопрос полностью высказать.

— Понимаю.

— Мне нужен первый душевный порыв.

— Хорошо.

— Готовы отвечать?

— Готова.

— Итак, вы хотели бы стать королевой Испа...?

— Да, товарищ Сталин.

ГЛАВА 1

1

Лужи он больше не обходит. Незачем. Ветер давно унес шляпу, а дождь вымочил его до последней пуговицы, до последнего гвоздика в башмаках. Вымочил сквозь плащ и пиджак. Вымочил так, что носовой платок в кармане — и тот выжимать надо. Хлещет дождь, а он идет сквозь ветер и воду. Он идет всю ночь, весь день и снова ночь. Вымок он не только сверху вниз от макушки до пояса и ниже, но и снизу вверх — от подошв до пояса и выше. Обходи лужи, не обходи — без разницы. Он идет из темноты в темноту. Он идет, нахохлившись, голову — в воротник.

Отяжелел воротник. Водой пропитался. С воротника за пазуху — струйки тоненькие. Если шею к воротнику прижать, то не так холодно получается. Вот он шею и прижимает к воротнику, согревая и ее, и воротник.

Ветру показалось мало одной только шляпы, потому норовит он еще и плащ унести. Терзает ветер сразу со всех четырех сторон. Нездешний ветер. Скандинавский. С запахом снега. Потому холодно. Потому зубы стучали-стучали, да и перестали: скулы судорогой свело, не стучат больше зубы.

Дождь тоже не здешний, не берлинский. Длинные перезревшие капли с кристалликами внутри. Капли — не типа «бум-бум», а типа «ляп-ляп». По черным стеклам домов так и ляпают. А попав под ноги — шелестят капли, похрустывают.

И только пропитав ботинок и отогревшись слегка, в обыкновенную воду те капли превращаются и чавкают в ботинках, как в разношенных насосах: чвак-чвак. Тяжелые, набрякшие штанины облепили ноги. Вода со штанов ручейками — какой в ботинок, какой мимо. А из мрака на него — страшные глаза: «Рудольф Мессер — чародей».

И с другой стены, из темноты, смотрят на вымокшего те же глаза: «Рудольф Мессер — чародей». И с третьей. Со всех стен Берлина чародеевы глаза темноту сверлят. Афиши в три этажа. Дождь по тем афишам хлещет. Рвет ветер водяные потоки с крыш, дробит их и в глаза чародею бросает, но только глаза притягивающие в тусклом свете фонаря смотрят сквозь воду, пронизывая ее.

Вымокший остановился во мраке — струи по лицу, как по афише. Посмотрел себе под ноги, потом решил и глянул в чародеевы очи.

У-у, какие.

2

— Товарищ Холованов, что вам известно о человеке по имени Рудольф Мессер?

— Товарищ Сталин, это всемирно известный иллюзионист и гипнотизер.

— Это я знаю, а кроме меня это знает каждый. Я не желаю слышать от вас то, что знает каждый. Ваша работа — сообщать мне то, чего никто не знает, то, что даже мне неизвестно.

— У меня такие сведения есть.

— А кто он по национальности, этот самый Рудольф Мессер?

— Он объехал весь свет. В любой стране — свой, везде — дома, любой язык ему родной. Происхождения он темного. Последние месяцы живет в Берлине, но немцы его немцем не считают.

— Кем же его считают?

— Поляком.

— А поляки кем его считают?

— Русским, товарищ Сталин.

— В этом случае, кем же его считают русские?

— Чистокровным немцем.

3

У огромных афиш «Рудольф Мессер — чародей» кое-где углы оторваны. Люди рвали, и ветер с дождем. И по огромным афишам то там, то тут — небольшие совсем афишки глянцевые: на алом фоне то же лицо, те же магнитного блеска глаза, только текст другой: «Рудольф Мессер — враг народа и фатерланда». А под портретом — цифра: единичка и много нулей.

Усмехнулся вымокший: дорого в гестапо людей ценят.

4

В Москве глухая ночь. В Москве тяжелый дождь. Дождь со снегом. Вернее — не дождь, не снег, а среднее между ними: толстопузые капли с кристалликами внутри. Кажалось бы, если обычные капли лупят как в барабан, так эти, с кристаллами, и подавно должны дробь выколачивать. Так нет же — мягенько эдак по окну шлепают: шлеп-шлеп. Неестественных размеров капли, как мичуринские груши в учебнике ботаники для пятого класса.

Когда-то очень давно голодный, насквозь промокший Сталин уходил по воде, по лужам. Уходил в никуда. Скрипели, покачиваясь на ветру, редкие фонари. Он уходил в темноту, туда, где нет фонарей. По пятам неслись чужие

тени, догоняли. И холодный дождь шлепал по Сталину. Не барабанил, а именно шлепал, потому что капли были с кристаллами. Тогда Сталин рвался, как волк, рвался из западни и мечтал вырваться, уйти от погони, а еще мечтал о теплом очаге, о сухих башмаках, о бутылке старого кавказского вина и хорошем остром шашлыке, чтобы рот горел. Тогда же мечтал он о холодном дожде со снегом, о пронизывающем до костей ветре, только чтобы он, Сталин, при этом был под крышей у печки, а дождь чтобы ляпал по стеклам и ветер чтобы свистел соловьем-разбойником в трубе...

Сбылась мечта: никто больше за Сталиным не гонят-ся. Передушил Сталин всех, кто за ним когда-то гонялся, и всех, кто не гонялся, но мог бы гоняться. Свистит-ревет над Москвой ветер, из бездонной темноты валят валами тяжелые капли-снежинки, шлепают-ляпают в огромные черные кремлевские окна, злобствуют, а Сталина достать не могут. Не пробить им стен твердокаменных, не проломить стекол — тут такие стекла, что их и пулей бронебойной не прошибешь. Свисти же, ветер, в кремлевских трубах, злобствуй, как враг в расстрельной лефортовской одиночке!

Тихо и тепло у Сталина. Спит Москва. Сталин не спит. По углам кабинета мрак. Но теплый мрак. Добрый. Приветливый. На столе рабочем — лампа зеленая, и на маленьком столике журнальном — тоже лампа зеленая: два островка света в приветливом мраке. И ужин на двоих. По-холостяцки. Бутылка вина с этикеткой домашней, самодельной. Название — одно слово химическим карандашом, грузинским узором. Шашлыки огненные: половина мяса, половина перца. А кроме перца в шашлыке еще много всего огнедышащего — ешь да слезы вытирай.

Разговор — лесным ручейком по камешкам. А камешки острые попадают-ся.

— Вам еще налить, товарищ Холованов?

— Нет. Спасибо, товарищ Сталин.

— Тогда к делу. Как идет подготовка испанской группы?

— Без срывов. Девочки усваивают программу вполне удовлетворительно.

— Выбор тринадцатого?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Думаете, сможем выбрать достойную?

— Их шесть, а нам нужна только одна. У каждой свои сильные и слабые стороны, но одну из шести выбрать можно.

— А если группу увеличить?

— Учебная точка — на шесть кандидатов... В испанской группе — шесть...

— Пусть будет шесть... И одна запасная. А?

— Как прикажете, товарищ Сталин.

— Не приказываю. Смотрите сами. Мне достойный кандидат нужен...

— Запасную в группу ввести можно, но девочки в освоении программы далеко ушли. Сумеет ли новенькая догнать остальных?

— Эта сумеет. Вы же ее знаете.

5

Спит Берлин. Под желтыми фонарями — островки света, а вокруг мгла: не пробивается свет сквозь туман и дождь. Уснул огромный прекрасный город. Утих. Светофор зеленым светом открывает путь всем желающим двигаться вперед.

Но желающих нет.

Прекрасен зеленый огонек светофора в густом тумане. Туман свету другой оттенок дает, словами не выразимый. Грустно, что никому той красоты видеть не дано. Один он, продрогший-вымокший, ею любит. И со всем грустно оттого, что идти вымокшему надо, а идти некуда. Плохо ему оттого, что весь город огромный для

него вдруг чужим стал. Плохо ему оттого, что за мокрыми стенами — сухие, теплые комнаты, и там, в комнатах, под сухими простынями спят сухие люди, уткнув носы в пуховые перины.

Плохо человеку, у которого нет теплой, сухой комнаты и перины.

А еще вымокший знал: за этим скрипящим фонарем, за этой обклеенной мокрыми афишами тумбой, за этим углом облупленного дома его ждет беда.

Беда, с которой ему не совладать.

Где-то далеко скрипит по рельсам загулявший трамвай. Вымокший втянул в себя воздух, задержал дыхание, выдохнул глубоко и решительно повернул за угол. Он всегда шел беде навстречу. Сам.

Луч карманного фонаря ударил в глаза.

— Стой!

И второй луч сквозь частые капли:

— Кто такой? Документ!

У своей правой ладони ощутил он сквозь холодные капли горячее дыхание пса и клыкастую липкую пасть. Пес не коснулся его ладони, и пса он не видел, но всем своим существом понял: рядом. Не глядя на зверя (да и все равно не разглядишь ничего в темноте, когда два фонаря в очи), он однозначно определил: ротвейлер, сука.

Подоспел и третий фонарик, маленький, но яркий, и тоже в очи уперся:

— Как на Мессера похож! Мес-сер! Это сам Мессер! Ру-у-уки на стену!

6

— И в заключение, товарищ Холованов... Вы мне обещали рассказать что-то интересное про Рудольфа Мессера, что-то такое, чего я пока еще не знаю.

— Агентура докладывает: за Мессером охотятся американцы.

Встал Сталин, подошел к окну и долго смотрел на капли с кристалликами.

— Какие американцы?

— Военная разведка.

— И не могут поймать?

— Не могут. Его никто не может поймать.

— Вы сказали: никто... Разве кроме американцев за ним еще кто-то охотится?

— Британская разведка. Кроме того, абвер, гестапо, криминальная полиция.

— Странные вещи творятся у нас, товарищ Холованов. Американская разведка охотится за Рудольфом Мессером, британская разведка охотится за Рудольфом Мессером. А почему сталинская разведка не охотится за Рудольфом Мессером?

7

Раньше тут был монастырь. Теперь — Институт Мировой революции. Распахнулись стальные ворота. Въехала длинная черная машина. Вышел Холованов. Буркнул что-то. По монастырю пронеслось: Дракон был в Кремле, вернулся в состоянии повышенной лютости. Что сейчас будет...

Бросил Холованов мокрый портфель на стол, струйки с плаща — на каменный пол. Ходит из угла в угол. Плащ не снимает. Смотрит под ноги:

— Ширманова ко мне.

ГЛАВА 2

1

Длинные капли дождя вдруг стали короче, блее, их очертания обозначились четко, они сбавили неумолимую скорость, прервали отвесный полет к земле, закружились вокруг фонарей, превратившись в неторопливые лохматые снежинки, и на славный город Берлин налетел-навалился густой снегопад.

А на левой руке чародея, иллюзиониста и гипнотизера щелкнул браслет. Щелкнул и на правой. Узорчатая снежинка упала на рукав. Его втокнули в узкий, обитый жостью коридор берлинского воронка, и снежинка исчезла там вместе с ним. Тут же ударом резиновой дубины в печень направление его движения было уточнено: в отсек! Руки в браслетиках — колечко. В это колечко пропихнули-пропустили цепь с замком. И этот замок тоже щелкнул. Цепь гремящая к мощной балке приварена, а балка в стальную стену врезана, ввинчена, намертво к ней присобачена. И пса посадили напротив: если гипнотизировать вздумаешь, так начинай с нашего песика.

Отсек-закуток не одной дверью запирается, а двумя. Первая — из стальных прутьев, прутья черной лаковой краской покрыты, но там, где руки арестанта, краска чер-

ная стерта, и предшествующий серый слой тоже стерт до самого металла, а металл отполирован до сверкания тысячами арестантских ладоней. Вторая дверь — стальной лист с окошечком. Решетчатая лязгнула за ним, а вторую, сплошную, с окошечком, они не закрывали, чтобы пес имел возможность арестанта всего созерцать, целиком. Чтобы лицо арестантское песым дыханием согревалось.

Чтобы контакт не терялся.

2

Воронок — на шесть персон, не считая охраны. Но везут одного. Остальные пять камер-загончиков пусты: ради такого арестанта подали персональный транспорт. А ведь все берлинские воронки сейчас заняты, все переполнены-перегружены, все работают на износ, планы перевыполняя. Самая работа: между четырьмя и шестью утра. Самый сон потенциальным арестантам. Самый момент брать! И берут. И набивают воронки до отказа. До упора. Они разные бывают, воронки, — с общей камерой и без, с одной общей и десятком персональных, есть вместимости ограниченной, а есть — безграничной, беспредельной. Ограниченной вместимости — для особо важных. Такой для него и подали. Вообще это вовсе и не воронок, а полицейский автобус с вынесенным вроде тарана двигателем-дизельюгой, с мощным буфером, с колесами самосвальными, с броневым козырьком на кабине водителя. Впереди — места для полиции, сиденья настоящей кожи, желтые, задняя же часть — для арестантов. Входить можно через заднюю броневую дверь с малым оконцем и решеткой прямо в арестантский коридорчик или через переднюю часть, полицейскую, где сиденья мягкие.

Полицейскому автобусу для такого случая — три машины сопровождения.

Взвыли сирены. Замигали, ослепляя, синие фонари на

кабинах. Рванул весело воронок в ночную метель, прокладывая след по снежной целине. И машины охраны — за ним. Под снегом — вода, потому полетели из-под колес фонтаны черной жижи, комья водой пропитанного снега. Потому за машинами колея: белый снег, черный след.

3

Если большую толстую половую тряпку хорошо вымочить в ведре и вытащить, не выжимая, то с нее потечет вода. Потоком. Так и с чародея текло — как с большой половой тряпки. И по узкому коридору воронка, по полу отсека, по жесткой полированной холодной скамейке — вода. Грязная вода. И пар к потолку. Горячий пар собачьей пасти. Холодный пар его дыхания. Обильный пар промокшей одежды. Все оконца воронка мигом туманом занавесило, и тусклая лампочка под потолком утратила свои стеклянные очертания, обратившись желтым расплывчатым пятном.

До этого момента, до ареста, вода с него стекала, и одновременно его одежда пропитывалась-наполнялась новыми тяжелыми килограммами воды, теперь же наполнение прекратилось, вода только текла с него, но больше не рушилась на голову и плечи обильными струями. Холодный пар окутал пеленой. Он стал согреваться. Нет, не согреваться — не то слово: на улице ему было так холодно, что он перестал себя ощущать, теперь же в воронке он стал отходить, его понесло из одного состояния замерзания в другое, из замерзания бесчувственного в более безопасное, но более мерзкое состояние замерзания ощущаемого. Он ощутил себя — жалкого и мокрого. Судорога отступила, отпустила скулы. И зубы снова застучали-загремели.

Жестяные стены каморки-загончика все разом каплями покрылись от его испарения. И скамейка тоже. Скамейка, как и стены, как пол и потолок, жостью обита. Скамейка тоже отполирована до сверкания тысячами

арестантских задниц. Скамейка узкая и низкая — ноги чуть не к подбородку, потому сразу затекают.

Только он этого не замечал. Он шел слишком долго, он устал. Потому арест принял как давно желанный отдых. Ему давно хотелось присесть и посидеть. Посидеть, отдохнуть. Ему давно хотелось пить, ему хотелось сухой рубашки и чистых носков, ему хотелось горячей воды и мыла, ему хотелось бритвы, его душил голод. А еще ему хотелось спать. Черт с ним, с арестом! Даже хорошо, что арестовали! Каждый, кто ждал ареста, знает это чувство исцеляющего облегчения: всё! Свершилось! Больше не надо бояться. Теперь можно спокойно спать.

Пока он не повалился на железную скамью, сознание его не сдавалось усталости, не признавало ее, а тут вдруг усталость навалилась холодным, лохматым, раненым в бок, вымокшим в ноябрьском болоте сибирским мамонтом и подмяла.

Потому ни взывшая сирена, ни собачий рык, ни рывок воронка в белую черноту уже не могли разбудить его. Голова лишь чуть отвалилась от жестяной стенки и тут же об нее и стукнулась, не нарушив безмятежного сна ее владельца.

Ему снилась метель, миллиарды огромных резных снежинок в черном небе. Он знал и во сне повторял, что самая большая измеренная и официально зарегистрированная снежинка имела в поперечнике 132 миллиметра — шире человеческой ладони. Во сне он рассматривал снежинки и сортировал их по десяти основным типам. По типам сортировать легко, но внутри своего типа все они разные. Именно так основную массу людей легко разделить на расы, но внутри расы двух одинаковых попробуйте отыскать... Он искал две одинаковые снежинки, зная, что все они разные, как отпечатки пальцев.

Он искал две одинаковые в твердой уверенности, что таких не бывает.

4

Вы не пробовали будить чародея? Уставшего чародея. Вот и я не пробовал.

А берлинской полиции выпало. Это вовсе не просто. Чародей провалился в пучину сна. У него мозг не такой, как у нас с вами. Он живет рядом, но только в другом мире. И все у него наоборот, не как у нас, людей нормальных.

Он думает не так, на мир смотрит иначе, а уж спит, ясное дело, особым способом, набираясь магических сил и страстей.

Как его будить? Вылить на него ведро ледяной воды? Он и так водой пропитан. Бить палкой по плечам — не действует.

А бить его палкой по голове никто почему-то не решился.

5

Стены тюремные — полтора метра добротной кирпичной кладки. Хорошо раньше строили. Надежно. Пять тюремных коридоров — лучами от центра. Один надзиратель, не сходя с места, может видеть сразу все коридоры, все пять. И все четыре этажа. Каждый коридор — ущелье. Стеклянная крыша над ущельем (не беспокойтесь, стекло и снизу, и сверху стальными сетями прикрыто), стеклянный же купол над центром, к которому коридоры сходятся. Двери камер — рядами, вдоль каждого ряда — галерея, над нею еще одна и еще. Так что сразу все двери видно. На всех галереях. На всех этажах. И считать хорошо: один ряд — 25 камер, над ними галерея и еще 25, еще галерея и еще. Справа сто камер в четыре яруса и слева сто. Один коридор — двести камер. Пять коридоров — тысяча.

Чисто в тюрьме. Тихо. Гулко. Особенно к утру гулко, когда уборщиков к рассвету по камерам разогнали, когда

надсмотрщики притомились, когда ночная смена следователей дежурство сдала, когда вопли подследственных попритихли. Полы — огромные красные и белые квадраты. Вырезаны аккуратно, до сверкания вымыты и натерты. И в уголках у плинтусов — ни пылиночки, ни сориночки, ни грязиночки. Какой-то кайзер тюрьму выстроил, не то Фридрих, не то Вильгельм. Денег не пожалел. Рассудил по-немецки: дешевая работа дороже обходится — если положить по коридорам какой-нибудь дрянной пол, то потом его каждые сто лет менять придется. Так уж лучше раз положить, но чтоб навсегда. И повелел так пол мостить, чтоб никогда не стерся, чтоб никогда новый не настилать. Потому и положили плиты гранитные. Все кончится, истекут все времена, а пол тот останется, не истереть его и миллиону поколений германских эзков. Вымрут люди, как динозавры и мамонты, а тюрьма еще долго стоять будет, чтобы воцарившиеся после людей обезьяны здесь, посреди развалин и выросшего на развалинах дремучего леса, устраивали бы свои сборища и водили по гранитным полам свои обезьяньи хороводы.

А пока тут обитают люди. Люди в черном. И люди в полосатом. Полосы по три пальца шириной: белые и серые. А на голове — шапочка элегантная, тоже полосатая. Очень даже красиво: огромные красные и белые плиты пола, хоть в шахматы играй, а по этим плитам скользят фигуры двух цветов, черные и полосатые. Если бы серые полосы с полосатой одежды убрать, то одежда стала бы белой, и полная аналогия получилась: пол в шашечку и фигуры двух цветов — черные и белые, двигай одних прямо, других — по диагонали, третьих — буквой «Г».

А если бы в тюрьме галереи обвить гирляндами цветов и в центре фонтан учредить, то очень бы она на огромный универсальный магазин походила, с лесенками, мостиками и переходами, без окон наружу, но со стеклянными крышами и куполом. «Если вы потеряли друг друга, встречайтесь в центре у большого фонтана». А если бы

двери камер отпереть, если бы в камерах разместить маленькие магазинчики, если бы черных и полосатых переодеть в цветное...

Но не додумался никто двери камер отпереть и в центре фонтан устроить. Потому чародея волокли не мимо журчащего фонтана, а мимо будок надзирателей. Его тащили, как пойманного барса, на растяжках: кожаный ошейник и стальные тросики к одному надзирателю и к другому — если бросится на одного, другой удержит.

А по коридорам, по караульным помещениям и подсобкам, по кабинетам и камерам, сквозь полутораметровые стены скользнула весть: Мессера поймали! И через десятиметровую внешнюю стену, через колючую проволоку, через ролики, провода и трансформаторы высокого напряжения, мимо караульных вышек и наблюдательных постов, мимо прожекторов, недремлющих псов и бдительных часовых скользнула весть в огромный спящий город, укрытый снежной периной: гестапо не дремлет, Мессера поймали!

6

Вторым делом в берлинских тюрьмах — санобработка. Чтобы вшей в тюрьму не занести.

А первым делом — бьют.

Чародея толкнули в большую высокую камеру без окон. Стены — белый кафель, как в операционной. А пол — цемент. Удобно — после процедуры включил напор и водой из шланга кровь смывает.

По углам четверо. С дубинами.

Но они не учли двух моментов.

Во-первых, чародей Рудольф Мессер, пока его везли, спал. Он спал совсем немного, но даже небольшой отдых частично восстановил его силы.

Во-вторых, тут не было собаки. Чародея толкнули в центр камеры. Толкнули с умением, с годами отработан-

ной точностью: двое из коридора толкают в дверь, третий внутри камеры подставляет ногу, и лети через ногу мордобойца прямо туда, где пол снижается к прикрытой решеткой яме. И четыре дубины взлетели над ним.

Но чародей успел в падении прикрыть лицо ладонью и крикнуть: «Не бейте меня!»

Крикнул чародей, чтобы не били.

И его не били.

Сел чародей на пол, потер ушибленный локоть, осмотрел искусанную собакой руку и приказал:

— Врача.

7

Побежали за врачом. Послали за дежурным надзиралой. Погнали машину за начальником тюрьмы.

Чародей сидел уже не на полу, а на кем-то принесенной табуретке и командовал:

— Позовите того, с собакой.

Позвали.

— Собаку убей. И возвращайся сюда.

— Есть!

Четверо с палками не скучали — чародей им приказал обработать того, который в воронке усердие проявил, чародея в печень двинул.

Четверо с палками уточнили: как бить?

Отвечал: как всегда новоприбывших обрабатываете.

Усомнились: так это же зверство!

Чародей успокоил: ничего, разрешаю...

И собаковод, прибежавшего с докладом о выполненном приказе, чародей на растерзание отдал тем четверым с дубьем, приказал собаководу обработать в соответствии с общепринятым стандартом: коротко, интенсивно, вкладывая душу.

Много отдал чародей приказов и, подчиняясь ему, был вскрыт следственный корпус, и в огромной тюремной

кочегарке охранники метали в пламя тугие папки. Повинуясь приказу, главный надзиратель, гремя ключами, отпирал камеры, а внешняя охрана — тяжелые ворота. Правда, узники не спешили воспользоваться свободой. Так уж коммунисты устроены: если дали свободу, но не поступило приказа ею пользоваться — не пользуются. И коммунисты остались в своих камерах. Социал-демократы — тоже. Немецкая дисциплина не позволяет социал-демократу из гитлеровской тюрьмы бежать.

А вот урки берлинские себя просить не заставили, мигом сообразили, что Мессер берлинской полиции урок преподаст. Суть урока: не надо чародеев, гипнотизеров и фокусников в тюрьмы сажать, дороже обойдется. Преподать же урок в лучшем виде можно, отперев камеры и ворота. Потому, как только скользнула по сонной тюрьме весть, что Мессера поймали, урки встрепенулись, бросили карты, у дверей камер столпились в ожидании, когда ключи и двери загремят.

Ждать совсем недолго пришлось: замки щелкают, засовы-задвигжки лязгают, двери гремят и каблуки арестантские стучат.

Разбегаясь, братва берлинская и общегерманская надзирателей не била и тюрьму спалить не норовила — скорее бы подошвы унести, кому знать, когда ворота захлопнутся. Потому — ухватить пальтишко в каптерке или шинель надзирателя, прикрыть на спине полосы тигриные и бегом в переулки, подвалы, притоны. До рассвета успеть. А там — ищи-свищи...

Но, пробегая мимо канцелярии, братва, звериным чутьем зная, что Мессер где-то рядом, орала ему благодарности и приветствия:

— Чародей! Век не забудем! Чародей, если кого порезать надо, так только свистни!

ГЛАВА 3

1

Профессия у него интересная и редкая: палач-кинематографист. Палачей на планете видимо-невидимо — как собак нерезаных. И кинематографистов столько же. А вот палачей-кинематографистов очень даже немного. И профессии вроде бы смежные, и встречаются часто палачи с кинематографическими наклонностями, как и кинематографисты с палаческими, но все же найти специалиста, который бы в равной мере сочетал в себе качества талантливого палача-новатора и одаренного кинематографиста, вовсе не так просто. Потому палачей-кинематографистов уважают и ценят. Их труд щедро оплачивают. Им оказывают почет и уважение.

В узких, понятно, кругах.

Ясное дело — его никто никогда не называл палачом-кинематографистом. Должность именуется — исполнитель. Более официально — исполнитель приговоров. А уж совсем официально — исполнитель приговоров, кинематографист. Через запятую.

А для своих — Вася.

Для тех, кто помоложе, — дядя Вася. Последние годы Вася все больше на вязании работал, потому чаще его на-

зывают Васей-вязателем. И работу кинематографиста не забывал, потому его еще Васей-киношником зовут.

Много дяде Васе-киношнику работы — по Москве аресты валом идут. Арест — не палаческое дело, не палачу-виртуозу таким недостойным делом заниматься.

Но нет выхода — Москву чистить надо. Потому палачей, которых пока расстреливать не надо, товарищ Сталин бросил на аресты палачей, которых надо именно в данный момент срочно расстрелять. Потому дядя Вася, палач-кинематографист, брошен на низменную, грязную, недостойную его высокого ранга работу, — на аресты.

А тут еще съезд партии.

2

В Москве — XVIII съезд ВКП(б), Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Партия — союз единомышленников. Съезд партии — форум лучших людей страны. Утро. Кремль. Гремят куранты. Лучшим людям страны — почет. Понятное дело — и безопасность им обеспечена. Без нее никак. Потому для общего блага, чтобы все вместе не взорвались от принесенного врагом заряда, каждого делегата индивидуально обыскивают, вежливо, но тщательно. Делегаты предупреждены: все оставить в гостинице, иметь в кармане только партбилет.

Такие требования выполняются с энтузиазмом — правильно товарищ Сталин делает, не все ведь враги еще выкорчеваны, и среди делегатов съезда может один отыскаться... пронесет в зал авторучку, та ручка и грохнет — все лучшие люди страны разом взорвутся. Что тогда со страной будет? Поэтому — только партбилет. В партбилет, как ни крутись, заряд взрывчатки не вмонтируешь, а если и вмонтируешь, то не очень мощный.

В принципе, делегату съезда партии ничего в карманах иметь и не надо: кормят делегата сытно, поят обильно. Ве-

черами — концерты. Всё бесплатно. Всё без денег. Можно с пустыми карманами ходить. Как при коммунизме.

При входе в зал каждому делегату — чудесной работы блокнот для записей и авторучку. Где такую еще найдешь! Ручки дивные — красные и голубые, выбирай любую. И чернила всех цветов. Где такое увидеть можно, чтобы авторучка зеленым цветом писала! И перья любой толщины, любой мягкости. И названия авторучкам разные: «Москва», «Прогресс», «Пятилетка», «Индустриализация»; и фирмы-изготовители разные: «Завод имени Сталина», «Парижская коммуна», «Ф-ка им. Горького». Радует делегат: съезд завершится, а ручка в кармане останется. Всей Сибири на удивление. И блокнот тоже. И еще делегаты радуются: скоро весь советский народ такими ручками писать будет — производство уже налажено, только на всех пока не хватает.

Чудесным авторучкам — сразу применение: все о делегатах известно, но перед входом в зал заполни, делегат, анкету еще раз, чтобы мандатная комиссия подвела итоги и объявила в завершение съезда, сколько среди делегатов мужчин, сколько женщин, сколько рабочих, сколько крестьян, а сколько прослойки — трудовых интеллигентов. С гордостью объявит мандатная комиссия съезду, а потом всей стране, всему миру, сколько в числе делегатов участников Великой Октябрьской социалистической революции, а сколько — Гражданской войны, сколько орденосцев, сколько членов партии с дооктябрьским стажем, сколько — с послеоктябрьским...

В вестибюле — интересные знакомства, оживленные беседы. Нашла власть советская чабана за облаками. Чабан в халате. В таком виде и доставили. Тоже делегат. Никогда в жизни человек со своей горы не спускался. Никогда облаков снизу не видел, всегда на облака только сверху взирал. Вот такой и нужен. Нашла его власть наша родная, с горы спустила. По-русски он не понимает. Это не беда. В нашей многонациональной роди-

не говори на любом языке. Кому надо, поймут. Делегат с горы — лучший из лучших, потому ему государственные проблемы решать. Руку надо поднимать. Вместе со всеми. Обступили чабана командиры Красной Армии, рассказ на непонятном языке слушают о том, как баранов выращивать.

3

В Большом Кремлёвском дворце песни гремят, туркменский товарищ в бубен бьет, девки-хлопкоробки в азиатских штанах азиатские же танцы вытанцовывают, в зале журналисты суетятся, блещут фотовспышки, журчат кинокамеры, успокаивают, баюкают...

Демократия полнейшая. С перебором. Выборы нового состава Центрального Комитета совершенно тайные. Каждому делегату — список кандидатов. Из списка можешь вычеркнуть любого. Мало того — вместо вычеркнутого можешь вписать любого, кто нравится. Кого хошь. Не просто можешь, но обязан вписать в список своего избранника. Если вычеркнешь одну фамилию, а вместо вычеркнутого никого не впишешь, то бумага эта считается недействительной: а то ведь всех можно повычеркивать, кто тогда страной будет править? Так что, вычеркивая одного, вписывай другого.

Молоденький чекист-выдвиженец из Тайшетлага, представляющий интересы сибирских большевиков, недоверчиво кабинки для голосования щупает: где фотоаппараты спрятаны? Если каждый будет вычеркивать кого вздумается и вписывать кого захочет, то куда же это мы пританцуем? Неужто товарищ Сталин не контролирует процесс выборов? Неужто не заботится о будущем составе Центрального Комитета? Неужто вожжи отпустил?

Ощупывает чекист кабинки, мол, добротное сделано, а сам удивляется: фотоаппаратов действительно нет. Некуда их всобачить, кабинки — речки полированные да са-

тин красный, весь просвечивается, фотоаппарат вставить не умудришься. С другой стороны, прикрывает тот сатин зачеркивающего-пишущего...

Так что... Заходи в кабинку и вычеркивай кого хочешь... Вписывай... Чудеса, да и только...

4

У съезда партии есть видимая сторона, фасадная, так сказать, и невидимая сторона, организационная. Трудное это дело — съезд организовать. Сколько сделать надо! Каждую мелочь упомянуть! Те же авторучки. Где такие достать? Только на гнилом Западе. Людишек в Лондон погнали, те заказали что нужно. Буржуины, понятное дело, упираются-кочевряжатся, заказа понять не могут. Они ручки любого цвета, любой формы в любых количествах продать могут. Только им важно, чтобы на ручке было написано «Parker», а нам это как раз и не подходит, нам надо, чтобы на ручке «Заря Востока» значилось.

Упираются буржуины: у них производство налажено-настроено, на каждую ручку при изготовлении они свой штамп лепят, а перестройка производства дорого обойдется. Ничего, наши в ответ, за перестройку платим. Во что бы ни обошлась. Снова упираются: мы выпускаем лучшие в мире ручки и не можем допустить, чтобы наш продукт под другой маркой был выпущен. А наши отвечают, что надо совсем немного, что из великой страны рабоче-крестьянской те ручки никогда не выйдут, что мы в области ширпотреба вам не конкуренты, все равно вашего «Паркера» у нас никогда не будет. Ладно, говорят буржуи, только это дорого обойдется...

Вот это другой разговор! Уж мы за ценой не постоим.

Но это не все. Получив те ручки, на каждую надо карточку завести, каждой номер присвоить, с каждой характеристики снять: заправлена зелеными чернилами, яркость чернил... толщина пера... микроскопические де-

фекты пера... и прочая и прочая. Потом ту ручку делегату вручат: зачеркни, товарищ дорогой, кого хочешь в списке. Можешь самого товарища Сталина зачеркнуть, если тебе товарищ Сталин не по нутру, а уж экспертиза установит, что зачеркнула великое имя ручка № 1241.

И чтобы не перепутать, строжайший учет организован, кому какую ручку дали (своей-то у делегата нет, об этом позаботились при обыске). Учет организован так: первым, допустим, регистрировался делегат Кружкин, вот тебе, товарищ Кружкин, ручка № 1. Кружкину и в голову не придет, что у ручки номерок есть в общем каталоге. Оно и хорошо, что в голову делегату такие мысли не приходят. И камера фиксирует, кому какую ручку дали. Радостно эдак камера стрекочет, и оператор радостный. И посланец народа горд — вот его для истории запечатлели, в момент регистрации делегатов исторического съезда.

Понятно, в кадрах кинохроники трудно будет различить детали, и все же не зря закупили ручки семи разных форм. Потом кадры хроники и каталоги ручек сопоставят, чтобы путаницы не произошло. И любые детали, любые подробности пригодятся...

Но делегаты могут ручками поменяться! Один любит-ся чудо-ручкой и другой любит-ся. Давай, первый говорит, махнемся!

Что будет, если делегаты, не понимая великого смысла, ручками поменяются? Не бойтесь. Предусмотрено. Кинокамеры не дремлют, фиксируют. И много среди делегатов скользит темного народа, тоже якобы делегаты, но поди ж ты разберись, кто делегат, а кто нет. И там, куда кинокамера своим зорким глазом не заглядывает, в женский туалет, к примеру, там девушка-узбечка, хлопкоробка, в азиатских штанах у огромного зеркала переплетает сто десять своих косичек...

И все видит.

Ей же не зря столько косичек придумали. И зеркало во всю стену — тоже не зря.

Но в конце концов и это не главное. Графологическая экспертиза — вот козырь. Зачеркни, товарищ, любого делегата в списке. И любого впиши. Не важно, кого впишешь, хоть самого Троцкого, важно — своей рукой. Впиши кого хочешь, тем самым автограф свой оставь, а уж ребята из Института Мировой революции тебя вычислят. Образцы почерка каждого собраны давно, да еще при регистрации каждый собственноручно анкету заполнял якобы для мандатной комиссии. Ребятам Холованова остается только почерк, которым ты мерзкое имя в список внес, сравнить с почерком твоей анкеты. А уж графологи свое дело крепко знают. Не ошибутся.

Вычисление зачеркнувших идет независимо сразу по многим линиям: эксперты по ручкам свое заключение дают, эксперты по почерку — свое, есть и другие эксперты... Каждая группа работает независимо от других. Потом результаты будут сопоставлены, если вскроются расхождения, работа будет продолжена. Есть методы...

И не надо думать, что вычисляют только тех, кто имя товарища Сталина зачеркнул. Вовсе нет. Всех вычисляют. Вот кто-то зачеркнул фамилию нового главы НКВД товарища Берии. Кто же на такое решился? А решился не кто иной, как любимец Лаврентия Павловича Берии директор Норильского металлургического комбината НКВД СССР товарищ Завенягин. Вай, как интересно. Вместе — друзья-товарищи, водой не разольешь, а как до тайного голосования доходит...

Товарищ Сталин аж подпрыгнул, такое услышав. Главное теперь, чтобы товарищ Берия случаем не пронюхал, какой у него любимец. Пусть товарищами остаются. А Завенягину характеристика: старый чекист Завенягин все чистки прошел, все контроли, и вот тебе на — в демократию поверил, бдительность потерял, правом вычеркивать решил воспользоваться... Бывают же дураки на свете! Таких беречь надо. И на нужные посты расставлять.

А может, шаг такой вовсе не глупостью продиктован?

Что это? Отчаяние? Предсмертный протест? Расчет? Расчет на что?

5

А что делать, если делегат съезда, воспользовавшись правом тайного голосования, вычеркнул великое имя из списка, но другого не вписал, автографа своего не оставил? Нельзя же одну черту автографом считать, и эксперты по почерку не помогут. Полагаться только на выводы тех, кто микродефекты ручки будет искать?

Нет, товарищи. Экспертиз несколько. И самая главная (куда от нее уйдешь?) — экспертиза пальчиков. Список кандидатов — на чудесной бумаге. Бумага из Швеции доставлена. Да не простая бумага — среди сотен сортов хорошей бумаги выбрали такую, на которой лучше всего пальчики пропечатываются. Как на стеклышке.

Но ведь в типографии, когда списки печатали... Вот как раз нет. В особой ведь типографии списки печатали. Печатали с понятием. И в Кремль доставляли с понятием. И раскладывали по столам, опять же, с осторожностью. Так что на момент выдачи списка делегату никаких отпечатков на листе не было. Теоретически на списке могут оказаться только пальчики товарища делегата — получил список, вычеркнул одного, вписал другого и в урну бросай. В чужие руки тот лист не попадет. И тут перед урнами избирательными соответствующие товарищи зорко смотрят за порядком. Главное, чтобы чужая рука листочек не лапнула.

Ну а девушка смешливая с парашютным значком, которая делегатам листы раздает, — ее пальчики тоже останутся? Этот момент учтен. Объясняю: во-первых, девушка — своя. Если бы ее пальчики и отпечатались, то разобраться легко: вот ее пальчики, а вот твои, товарищ делегат. Но не оставляет девушка отпечатков. Подушечки ее розовых пальчиков прозрачным лаком «S-4» покрыты.

Из Франции лак доставлен. Работает она без перчаток, а отпечатков не оставляет.

Так что если какому-нибудь выдвигенцу-высочке ударит в голову хмель полудетского озорства, если черкнет по великому имени, автографа не оставив, то все равно никуда ему не деться: до своей Сибири не доедет. Туда шифровку шарахнут: мол, как быстрорастущий, как делегат съезда, получил ваш боевой товарищ новое назначение на секретную работу, с намеком, вроде в шпионы.

Но попадет он не в шпионы, а в другое место. Жизненный поток понесет его совсем в другую сторону.

И вряд ли тот поток правильно называть жизненным.

6

Дядя Вася-вязатель, он же — Вася-киношник, знай себе ручку камеры крутит, делегатов радостных снимает. Голосуйте, дорогие товарищи, зачеркивайте кого нравиться, вписывайте кого хочется... Много вас таких было. На предшествующих съездах. Дядя Вася вот так же всех вас и снимал, уважаемые. В примере, на прошлом XVII съезде. Делегаты тогда, как и сейчас, тоже прикидывались честными гражданами. Надо признаться, со стороны так и казалось.

Представлялось, что все они (или в большинстве своем) — наши родные советские люди... А что оказалось? Оказалось, что почти поголовно съезд предыдущий был вражеским, шпионским, предательским и вредительским. Больше половины делегатов вскоре перестрелять пришлось. Многих, ох многих дядя Вася потом повторно снимал. Но уже индивидуально. В камере смертников.

Интересно хронику старую крутить: вот голову гнут делегатскую, вот делегат сапог палача лижет, вот он, гад, кричит, что товарища Сталина страсть как любит, что жизнь готов отдать... Ну и отдай. В чем проблема? Сапог-то зачем слюнявить?

Ах, как товарищ Сталин такие кадры смотреть любит. По многу раз без перерыва. А потом заказывает тех же врагов показывать не в расстрельном коридорчике, а на съезде: вот они — гордые, пузатые, надутые, в орденах, вот они в президиуме восседают, вот с трибуны речи кричат. Сейчас-то сразу видно: вон тот, орденастый, ну конечно же, враг, вон какая у него улыбочка сладенькая. Но тогда, на прошлом съезде (дядя Вася честно себе в этом признается), его подозрение падало на отдельных типов, но никак не на большинство. Смотрит Вася кадры старые, своей наивности дивится: ну как же вон того усатого не распознал — глаза-то, глаза у него вражеские. А усищи какие распустил! Ну ведь видно же! А разве вон у того на морде не написано, что шпион? Даже не маскируется! Ишь, прищурился. Строишь кадры старые — дрожь по телу: товарищ Сталин один, а вокруг него враги стаями так и выются, так и мечутся. И по глазкам их плутовским видно: заговоры плетут, планы вынашивают!

А потом на том съезде предыдущем выборы были. Точно как сейчас. Кого же враги выбрать могли? Понятное дело, врагов и выбрали, шпионов выбрали англо-японских и польско-турецких, вредителей выбрали. Весь почти Центральный Комитет шпионским оказался. Дядя Вася как сейчас помнит: всего выбрали на том съезде 71-го члена ЦК и 68 кандидатов. Должен дядя Вася всех их помнить. Потому как клиенты. Или потенциальные клиенты. Совсем немного времени прошло, а из тех членов и кандидатов уже 111 арестованы. И редко кто еще цел. У товарища Сталина чутье на врагов. Он их насквозь видит.

Чувствует дядя Вася, что из того состава ЦК скоро 112-го брат будут. Завенягина Авраамия Павловича, директора Норильского металлургического комбината НКВД. Все к тому клонится. При Ягоде великими стройками коммунизма руководил? Руководил. При Ежове возводил? Возводил. Значит, в расстрельный подваль-

чик пора. И 113-го из того состава время пришло брать. Ежова Николая Ивановича. Так вырисовывается: член Центрального Комитета, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро, Народный комиссар водного транспорта и бывший Народный комиссар внутренних дел, — а его даже делегатом нового съезда не выдвинули.

Значит, скоро...

7

И не нужно думать, что вот, мол, в Берлине дождь со снегом, а в Москве вроде уж ни дождя, ни снега. Нет, товарищи дорогие, и в Москве дождь, и тоже со снегом. Похлеще берлинского. А еще некоторые думают, что вот, мол, в Берлине аресты, а в Москве никаких арестов, что вот по Берлину воронки шастают, а по Москве вроде и нет.

Ошибаетесь, милейшие, и по Москве шастают. Очень даже интенсивно. Любой Берлин позавидует.

В Москве — аресты косяком. Аресты повальные. Масовочка. Кончается власть товарища Ежова. Нет ему больше почета. Нет ему любви всенародной. Близок конец. Только ему одному еще не верится, что близок. Его пока не берут. А вот его команду теснят-ущемляют. И берут его ребят без шума. Арестовывают тех, кто арестовывал, расстреливают тех, кто расстреливал.

Есть, правда, дела и более важные...